

Д.Н.Гатауллина

БЕЗЛИЧНАЯ ПРИРОДА И БЕЗДНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ
Ф.И.ТЮТЧЕВА

Статья посвящена тематике постепенного отказа Тютчева от идеализации природы и обращению поэта к глубинам внутреннего мира человека. В работе прослеживается путь поэта от поиска ответа на загадку жизни в бытии окружающего мира до необходимости созерцания жизни своей души. Только когда человек остаётся один на один с собой перед ним открывается безграничность непознанного в самом себе, того, чему нет выхода в наружную жизнь. Рассматривается антитеза гармоничной и упорядоченной жизни природы и неустойчивого положения личности в пространстве космоса. При этом гармония в природе связана с цикличностью происходящих в ней событий и равнодушии к индивидуальному началу, в то время как существование каждого человека — уникальное явление, отделённое от всех других жизней и потому вносящее «разлад» в «общий хор» бытия природы. В результате исследования устанавливается: чтобы продолжить поиски ответов на главные тайны бытия, человек в лирике Тютчева устремляется к самопознанию и к пониманию общего истока для себя и остального мира.

Ключевые слова: природа, человек, внутренняя жизнь, бездна, самопознание

В стихотворениях Тютчева отчуждённость человека от совершенной жизни природы предстаёт не только трагедией для мыслящей личности, но и поводом обнаружить иной способ понимания роли человеческой индивидуальности в существующем порядке вещей.

Человек в лирике Тютчева устремлён к познанию, но при этом не способен понять жизнь природы, впрочем, как и все другие стороны бытия. В стихотворении «Природа — сфинкс. И тем она верней...» сначала утверждается, а затем — отрицается то, что человеку необходимо постичь тайну окружающего мира:

*Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может стать, никакой от века
Загадки нет и не было у ней* [1, с. 248].

Природа, казалось бы, хранит множество тайн и среди них одну, основополагающую. Подобно сфинксу, она ставит перед человеком пугающе сложные вопросы, но велика вероятность того, что в природе вовсе нет загадки, а только искушение, ведущее к поиску ложных смыслов [2, с. 180]. Т.А.Кошемчук называет это осознанием «искушения тварным», разочарованием в одухотворённости природы, которое появляется в поздних стихах Тютчева [3, с. 172].

Тютчев приходит к выводу, что человек должен искать ответы на главные вопросы бытия не в равнодушной к нему жизни природы, а внутри себя. В этом одна из основных мыслей стихотворения «Silentium!». «Наружный шум», о котором говорится в произведении, исходит не только от других людей, но и от всего окружающего «дневного» мира. Единственным способом сохранить своё внутреннее «я» в целостности и неизменности становится отречение не только от общения с людьми, а и от созерцания природы. В «Silentium!» мир души человека по своей наполненности противопоставляется и природе, и социуму:

*Лишь жить в себе самой умей,
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи...* [1, с. 106].

Жизнь природы, несомненно, содержит в себе скрытый смысл, задаваемый языком, непонятным для человека, потому Тютчев констатирует: «душа поёт не то, что море» [1, с. 220] и задаётся вопросом «о чём ты воешь, ветер ночной?» [1, с. 119]. Однако о чём бы ни шла речь в пении волн или шуме ветра — это только отвлекает личность от познания себя. О.Э.Мандельштам, считавший Тютчева предтечей акмеизма, отмечал в статье «Утро акмеизма»: «Мы не хотим развлекать себя прогулкой в “лесу символов”, потому что у нас есть более девственный, более дремучий лес — божественная физиология, бесконечная сложность нашего тёмного организма» [4, с. 97]. Когда исчезает «дневной покров, натянутый над бездной», и человек остаётся наедине с собой, перед ним отвергается «бездна» непознанного в себе [5, с. 246].

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!* — утверждает Тютчев [1, с. 146].

Человек получил полную свободу воли, при этом не выполнив своего высшего предназначения, восхождения к разумному и прекрасному устройству общества. И вследствие этой трагедии он слышит постоянный призыв стихий к возвращению к истокам, к «родимому хаосу». Тем не менее, человек полон

насыщенной внутренней жизнью, которой нет выхода вовне [6, с. 178-185]. Потому в «Silentium!» Тютчев призывает к молчаливому «любованию» этими богатствами, так как

*Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум...* [1, с. 106].

Н.Я.Берковский пишет: «Природа, по Тютчеву, ведёт более честную и осмысленную жизнь до человека и без человека, чем после того, как человек появился в ней» [6, с. 185]. Мир природы «молчит о былом» («Через ливонские я проезжал поля...») [1, с. 110], потому что «*знать не знает о былом*», ей «*чужды наши призрачные годы*» («От жизни той, что бушевала здесь...») [1, с. 261], как и вся история человечества. Её бытие — это круговорот одних и тех же состояний:

*И снова будет всё, что есть,
И снова розы будут цвести,
И терны тож...* [1, с. 129].

В то время как жизнь каждого человека — уникальна и быстротечна, и то, что в ней кончается, уходит навсегда:

*Но ты, мой бедный, бледный цвет,
Тебе уж возрожденья нет,
Не расцветёшь...* [1, с. 129].

Все природные существа и явления, кроме человека, лишены способности к рефлексии и поиску особого, индивидуального пути развития. Мир природы — «*общий хор*» с «*гармонией в стихийных спорах*» [1, с. 220], его самосохранение обусловлено описанной выше повторяемостью, в то время как человеческий мир обречён на разлад. С другой стороны, именно в сознании человека природа наделяется способностью переживать индивидуальные чувства вместе с личностью, жаждущей видеть в ней нечто родственное. Личность способна внезапно «узнать» себя в стихийном, где встречается с той же «бездной», безграничным и пугающим, что обнаруживает и в собственной душе — обеим безднам «*нет извне опоры, ни предела...*» [1, с. 162]. Притом человеку не открывается тайна, связующая его с бытием остального мира, хотя он точно знает, что такая тайна есть. И искать ответы на основополагающие вопросы бытия следует не в гармонично-равнодушной жизни природы, а в глубинах человеческой души.

Благодаря свободе мысли и чувства, внутри себя человек настолько преисполнен жизни, что не может явить наружу, для «другого», и малой её части [6, с. 178]. Потому личности приходится быть созерцателем и хранителем мира собственной души, смиряясь с будущим уходом этого пространства в неизвестность, неизбежным растворением. В то время как природа будет безучастным свидетелем гибели человека: когда «*гроб опущен уж в могилу*», вновь проявляется мотив «бездны», скрытой за внешней красотой окружающего мира:

*А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землёй...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...* [1, с. 123].

Загадка внутренней жизни личности скрыта в «ночной» стороне мира [7, с. 165]. С приходом ночи, когда свивается «*покров, накинутый над бездной*», и наступает время тишины и созерцания, человеку может открыться тайное знание:

*И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое* [1, с. 162].

В ночном мире растворяется внешняя сторона человеческого бытия, уходит «*стозвучный, шумный и невнятный*» [1, с. 85] дневной шум. «Тогда человек остаётся наедине с собой, перед темной пропастью, которую представляет собой бездна», — пишет В.В.Петров [5, с. 246]. Перед личностью обнажаются все спрятанные в глубине её души страхи и мрачные мысли:

*И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь и немощен и гол
Лицом к лицу пред пропастью темной* [1, с. 162].

В лирике Тютчева вся суть мира сводится к интенсивной внутренней жизни человека, и она выходит далеко за обозначенные ей границы, сливаясь с явлениями и предметами окружающего мира. Эта безбрежность душевного бытия личности простирается «*от земли до крайних звезд*» [6, с. 172]. Отсюда происходит и восприятие лирическим героем самого себя как субъекта, противостоящего всему видимому и скрытому от глаз миру — он «*глас вопиющего в пустыне*», «*души отчаянной протест*» [1, с. 220]. «Невозмутимому строю» природы поэт может противопоставить только одинокую человеческую душу, которая «*не то поёт, что море*» и «*ропщет*», потому что, в отличие от других живых существ и стихий, «*мыслит*».

С другой стороны, человек в поэзии Тютчева стремится ощутить хотя бы краткий миг единения с миром, преодолеть свою отчуждённость и потерянности в пространстве всеобщего бытия.

Час тоски невыразимой!..

Всё во мне, и я во всём!.. [1, с. 127] — благодаря этому мимолётному ощущению личность обретает уверенность в своём родстве со всем остальным миром. В едином мгновении лирическому герою открывается вся полнота и разносторонность мира. Общее и частное здесь сближаются, человек одновременно вмещает в

себе целый мир и остаётся его частью [8]. Таким образом, происходит совмещение личного и всеобщего в отдельно взятой человеческой душе.

Мысль Тютчева всегда обращена к космическим масштабам, даже частная жизнь и глубоко личное переживание сопоставляются с вечным и неизменным. В его стихотворениях только ставятся главные вопросы бытия — о человеке и Вселенной, жизни и смерти — но не подводятся итоги, это поиск истины, которому не будет конца [9, с 257].

Готовность понять «другого», как и обнаружить своё родство с космическими силами, здесь соотносится с желанием познать и самого себя, тайны собственной души. Ведь даже когда Тютчев описывает стихии космоса и хаоса, природные явления или «роковые силы», довлеющие над человеческой жизнью — он прежде всего обращается ко взгляду личности на все эти вопросы, ко внутреннему и глубоко личному переживанию [8]. Чтобы ощутить большее родство с окружающим миром, лирический герой Тютчева наделяет его положением, идентичными своему:

Нам мнится: мир осиротелый

Неотразимый Рок настиг... [1, с. 80].

И при этом человек обнаруживает себя один на один со всем остальным миром, он не может слиться с жизнью природы, равнодушной к его переживаниям, равно как и с бытием всех других людей, ведь каждый «другой» *«не поймёт, чем ты живёшь»*. Более того:

И мы, в борьбе, природой целой

Покинуты на нас самих [1, с. 80].

Возможно, из-за длительного пребывания за границей, Тютчев не чувствовал себя по-настоящему укоренённым в России:

Ах нет, не здесь, не этот край безлюдный

Был для души моей родимым краем [1, с. 154].

«У меня не тоска по родине, но тоска по чужбине», — признавался поэт [11, с. 325]. В.С.Баевский замечал, что у каждого русского поэта XIX века есть ощущение почвы под ногами, кроме Тютчева, живущего предчувствием катастрофы, поглощения всего человечества *«пропастью темной»* [1, с. 134]. Откуда и появляются в поэзии Тютчева мотивы постоянной неустойчивости, близости бездны и хаоса, отчаянный поиск общности с миром и другими людьми [12, с. 49].

В более поздних стихотворениях Тютчева обнаруживается иной, кажущийся более вероятным выход для страдающей души человека [3, с. 274]. И это не временное растворение в безличной природе, с возвращением к прежнему отчуждённому от всех и всего состоянию, а прямое обращение к божественному:

Душа готова, как Мария,

К ногам Христа навеки прильнуть [1, с. 192].

Не находя себе родины в земной жизни, лирический герой Тютчева устремляется к первоначальному, к своему истоку.

Таким образом, в лирике Тютчева восхищение перед совершенной жизнью природы с течением времени переходит в ощущение, что путь человека не только не может, но и не должен сливаться с её бытием. Личность ищет опору уже не в окружающем, равнодушном к ней мире, а внутри себя, в глубинах собственной души.

1. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л., 1987. 446 с.
2. Кондаков И.В. Поэтика смысловой неопределённости // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 2-2(35). С. 172-182. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-2-172-182
3. Кошемчук Т.В. «Искушение тварным» в натурфилософских стихах Тютчева // Проблемы исторической поэтики. 2005. № 7. DOI: 10.15393/9.art.2005.2667
4. Мандельштам О.Э. Век мой, зверь мой. М., 2011. 570 с.
5. Петров В.В. «Две бездны» в русской литературной и философской традиции: Ф.Тютчев, Д.Мережковский и Вяч. Иванов // Д.С.Мережковский: писатель — критик — мыслитель. М., 2018. С. 240-268.
6. Берковский Н.Я. Ф.И.Тютчев // О русской литературе. Л., 1985. С. 155-199.
7. Калашникова А.Л. «Душевный микрокосм» в художественном мире Ф.И.Тютчева: «Silentium!» и «Душа моя, Элизиум теней...» // Вестник КемГУ. 2012. № 1(49). С. 163-167.
8. Созина Е.К. Дискурс сознания в поэтическом мире Тютчева // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе (опыты феноменологического анализа). Екатеринбург, 2001. С. 54-148.
9. Кильченко О.Н. О фрагментарности в лирических системах Ф.И.Тютчева и А.А.Ахматовой // Литературоведческий сборник. Донецк, 2003. Вып. 15—16. С. 251-259.
10. Баевский В.С. История русской поэзии: 1730—1980. Компендиум. Смоленск, 1994. 293 с.
11. Тютчев Ф.И. Соч.: В 2 т. Т. II: Письма. М., 1980. 351 с.
12. Саканива А., Евлампиев И.И. Возвращение к России: Тютчев и Достоевский // Соловьёвские исследования. 2015. № 2(46). С. 35-50.

References

1. Tyutchev F.I. Polnoe sobranie stikhotvorenyy [Complete collection of poems]. Leningrad, 1987. 446 p.
2. Kondakov I.V. Poetika smyslovooy neopredelennosti [Poetics of semantic uncertainty]. Vestnik RGGU, Seriya: Literaturovedenie, Yazykoznanie, Kul'turologiya, 2018, no. 2-2(35), pp. 172-182. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-2-172-182

3. Koshemchuk T.V. "Iskushenie tvarnym" v naturfilosofskikh stikhakh Tyutcheva ["The Temptation to the Created" in Tyutchev's natural-philosophical poems]. Problemy istoricheskoy poetiki, 2005, no. 7. DOI: 10.15393/j9.art.2005.2667
4. Mandel'shtam O.E. Vek moy, zver' moy [My age, my beast]. Moscow, 2011. 570 p.
5. Petrov V.V. "Dve bezdny" v russkoy literaturnoy i filosofskoy traditsii: F.Tyutchev, D.Merezhkovskiy i Vyach. Ivanov ["Two abysses" in the Russian literary and philosophical tradition: F.Tyutchev, D.Merezhkovsky, and Vyach. Ivanov]. D.S.Merezhkovskiy: pisatel' — kritik — myslitel'. Moscow, 2018, pp. 240-268.
6. Berkovskiy N.Ya. F.I.Tyutchev. In: O russkoy literature. Leningrad, 1985, pp. 155-199.
7. Kalashnikova A.L. "Dushevnyy mikrokosm" v khudozhestvennom mire F.I.Tyutcheva: "Silentium!" i "Dusha moya, Elizium teney..." ["Soul microcosm" in the artistic world of F.I.Tyutchev: "Silentium!" and "My soul, Elysium of shadows..."]. Vestnik KemGU, 2012, no. 1(49), pp. 163-167.
8. Sozina E.K. Diskurs soznaniya v poeticheskom mire Tyutcheva [Discourse of consciousness in the poetic world of Tyutchev]. Evolyutsiya form khudozhestvennogo soznaniya v russkoy literature (opyty fenomenologicheskogo analiza). Ekaterinburg, 2001, pp. 54-148.
9. Kil'chenko O.N. O fragmentarnosti v liricheskikh sistemakh F.I.Tyutcheva i A.A.Akhmatovoy [On fragmentation in the lyrical system of F.I.Tyutchev and A.A.Akhmatova]. Literaturovedcheskiy sbornik. Donetsk, 2003. Vyp. 15—16, pp. 251-259.
10. Baevskiy V.S. Istoriya russkoy poezii: 1730—1980. Kompendium [History of Russian Poetry: 1730—1980. Compendium]. Smolensk, 1994. 293 p.
11. Tyutchev F.I. Works in 2 vols, vol. II: Letters. Moscow, 1980. 351 p.
12. Sakaniva A., Evlampiev I.I. Vozvrashchenie k Rossii: Tyutchev i Dostoevskiy [Return to Russia: Tyutchev and Dostoevsky]. Solov'evskie issledovaniya, 2015, no. 2(46), pp. 35-50.

Gataullina D.N. Impersonal nature and the abyss of the human soul in the philosophical lyrics of F.I.Tyutchev. The article deals with the problem of Tyutchev's lyrical hero's search for a point of support in the hostile and unclear for human consciousness surrounding world. Human existence, full of contradictions, is opposed to nature, harmonious and indifferent to man. Tyutchev's lyrical hero wants to overcome this feeling of separation from the rest of the world, but also to preserve his "I" in integrity. He finds a way out of this situation by "living in his inner self alone" — his inner world contains the foundations of the physical world.

Keywords: nature, man, the inner life, the abyss, self-knowledge.

Сведения об авторе. Динара Назифовна Гатауллина — аспирант (очная форма обучения) Донецкого национального университета, филологический факультет, кафедра истории русской литературы и теории словесности, специальность 10.01.08; ORCID: 0000-0003-1633-266X; amarella003@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Гатауллина Д.Н. Безличная природа и бездна человеческой души в философской лирике Ф.И.Тютчева // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 2(35). С. 232-235. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.2(35).232-235

For citation: Gataullina D.N. Impersonal nature and the abyss of the human soul in the philosophical lyrics of F.I.Tyutchev. Memoirs of NovSU, 2021, no. 2(35), pp. 232-235. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.2(35).232-235